

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.2

УДК 338.22(470); ББК 65.050.17(2Рос)

© Губанов С.С.

О системных основах экономической безопасности России*

**Сергей Семёнович
ГУБАНОВ**

журнал «Экономист»

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские Горы, 1

Указом Президента РФ (№ 208 от 13 мая 2017 г.) утверждена «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.». К сожалению, принятый и реализованный в ней подход оказался излишне абстрагирован от закономерной связи между состоянием экономической безопасности и типом действующей экономической системы. Поэтому представляется целесообразным привести тезисные «заметки на будущее», которые касаются системных основ экономической безопасности нашей страны.

В чем необходимость таких заметок? Почему пришлось придать им форму кратких замечаний? Причина в том, что «Стратегия экономической безопасности Рос-

сийской Федерации на период до 2030 г.», в ее утвержденной версии, обошла стороной базисные основы экономической безопасности России. Речь о самых фундаментальных основах, которые имеют системный характер. В частности, о командных высотах экономики, о том, в чьей они собственности – суверенной или несуверенной, в чьих они руках и в чьих интересах используются – в интересах России или в интересах олигархически-компрдорского капитала, союзного для зарубежного и враждебного для отечественного индустриального.

Нелишне пояснить, что компрдорской называется та часть национальной буржуазии, которая безоговорочно подчиняется иностранному капиталу империалистиче-

* Версия статьи, опубликованной в журнале «Экономист» № 6 за 2017 г.

Для цитирования: Губанов, С.С. О системных основах экономической безопасности России / С.С. Губанов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 4. – С. 49-61. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.2

For citation: Gubanov S.S. About the system fundamentals of Russia's economic security. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 4, pp. 49-61. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.2

ских стран в экономическом и политическом отношении и используется им в своих империалистических интересах. Она используется империалистическими державами в качестве вассала, который помогает им удерживать страну в состоянии поработанной колонии.

В постсоветской России олигархический капитал присягнул на верность империалистической идеологии «Вашингтонского консенсуса», навязываемой США всему миру благодаря развалу СССР. Соответственно, олигархическая экономическая система, сформированная в период антисоветских реформ 1980–1990-х гг. и настроенная на максимизацию природной и посреднической ренты путем превращения российской собственности в иностранную, приняла вид экспортно-сырьевой, рентно-ориентированной, монетаристской модели.

Можно ли обеспечить экономическую безопасность и экономический суверенитет страны, если нет суверенитета над командными высотами экономики: землей, добычей сырья, энергетической и транспортной инфраструктурой, банками, внешней торговлей, накоплением, товарно-денежным обращением и т.д.?

Совместима ли экономическая безопасность с общесистемным кризисом, из-за которого Россия потеряла статус индустриально-технологической и машиностроительной державы, откатившись в группу ресурсодобывающих?

Имеются ли в истории новейшего времени примеры, когда экспортно-сырьевой стране, в социально-экономической системе которой властвует компрадорская форма капиталистической собственности, удавалось положить конец зависимости от иностранного капитала, обрести экономическую независимость и вырваться из оков отсталости?

Реально ли добиться экономической безопасности и экономического суверенитета в условиях, когда господствует олигархическая по характеру социально-экономическая система, выжимающая максимальную ренту посредством превращения российского национального богатства в нероссийское, т.е. иностранное и офшорное?

Таковы принципиальные вопросы, которые вытекают из реалий пореформенной России, вследствие чего являются исходными при разработке полноценной стратегии экономической безопасности страны.

Между тем, обозначенные вопросы оказались упущенными, не став отправными для составителей принятого варианта «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». Как результат, они не проработаны и оставлены без ответа. В действительности, однако, без решения общесистемного вопроса все остальные, будучи частными, тоже неразрешимы — это аксиома общественной жизни.

Не имея опоры на адекватные системные основы, утвержденная «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» перечисляет исключительно явления, а не причины; оперирует темами частного и второстепенного порядка, не затрагивая общих и первостепенных. Тем самым предрешен формальный характер данного документа. И формализма в нем, в чем убедимся, действительно в избытке.

Но беда не только в формализме и декларативности. Абстрактные фразы, намеренно сведенные к излишне общим и обтекаемым утверждениям, обычно редко выражают ошибочные положения или задают ложные ориентиры. Текст же «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»

и в данном отношении оказался своеобразным: по ряду даже декларативных пунктов, как будет показано, он содержит просто неверные установки, которые не содействуют, а, напротив, противодействуют процессу обеспечения экономической безопасности России.

Почему так произошло? Потому, что составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» не учли ключевых особенностей экономической системы исторически высшего порядка.

Конечно, бытие определяет сознание. И тому, кто находится в условиях экономической системы низшего порядка, какова компрадорская, непросто подняться на уровень воззрений, характерных для тех, кто смотрит и оценивает действительность с позиции куда более высокой социально-экономической системы. Но есть основополагающие законы и закономерности современной эпохи. Они известны экономической науке. И научное знание о них вполне позволяет разбираться в исторически низшем с позиции исторически высшего.

Таким образом, именно научными представлениями о передовой, суверенной экономической системе и продиктованы замечания, которые рассматриваются в ходе последующего изложения.

§ 1. Стратегия ничегонеделания?

В «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» состояние экономической безопасности увязывается с экономическим суверенитетом, что в целом правильно. Но трактовка экономического суверенитета, данная в п. 7, явно не продумана и обесмысливает эту увязку, низводя экономический суверенитет до «независимости государства в проведении внутренней и

внешней экономической политики», притом независимости, якобы «объективно существующей».

Подобное трактование, во-первых, совершенно отрывает экономическую безопасность от ее системных основ и подменяет истинную цель ложной. Действительно, оно переносит акцент с экономического базиса на политическую надстройку, с первичного – на вторичное и производное, с экономической системы – на экономическую политику. Независимость и суверенность экономической системы подменяется независимостью экономической политики.

Выходит, вместо реального экономического суверенитета документ призывает довольствоваться формальным, показным, мнимым. Он задает фиктивную целевую функцию, вследствие чего сам оказывается фикцией.

Во-вторых, если независимость экономической политики есть нечто такое, что существует объективно, безотносительно к воле и сознанию людей, то незачем вообще ни добиваться ее, ни заниматься ее укреплением. В таком случае достаточно лишь делать видимость работы по обеспечению независимости экономической политики.

Оба замечания целиком и полностью согласуются одно с другим, вполне отчетливо демонстрируя фиктивность целей, вписанных в «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.».

Не имея системных основ и без привязки к системным целям, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» получилась не руководством к действию для органов власти, а очередной нормативной фикцией – сродни законам о стратегическом планиро-

вании и промышленной политике. Вместо четких норм и правил в ней выражен свод деклараций, причем не все из них верны. Если судить по ее целям, в нынешней своей версии она представляет собой стратегию ничегонеделания.

Конечно, такая оценка не очень приятна, однако она справедлива и находит более чем достаточное подтверждение при анализе дальнейших пунктов документа.

Приведем один, но довольно показательный и симптоматичный пример с увязкой экономической безопасности со стратегическим планированием.

§ 2. Осуществление неосуществления

Насколько известно, в Советском Союзе не было ни юридического закона о народнохозяйственном планировании, ни надобности в таком законе: до разрушительных реформ действовала плановая система хозяйствования, которая включала общегосударственный механизм централизованного планирования советской экономики и общегосударственный орган — Госплан СССР.

В постсоветской России, наоборот, ситуация полной асимметрии. В июне 2014 г. принят Федеральный закон № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Закон есть, но он «безработный», так как нет ни федерального органа, ни системы, ни механизма стратегического планирования.

Несмотря на наличие федерального закона, стратегического планирования и стратегических планов социально-экономического развития России не существует. Не определены ни фундаментальные критерии, ни модель стратегического планирования, не говоря уже о создании работоспособного механизма. Как доказывает нынешняя практика, применительно к планированию термин «стратегическое»

означает несуществующее. По факту стратегическое планирование в России есть несуществующее планирование.

Тем не менее составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» нашли уместным привязать ее именно к стратегическому планированию, которое в настоящее время тоже является ничем иным, как правовой фикцией.

В частности, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» объявляется «документом стратегического планирования» (п. 1).

Выставляется также требование, чтобы «вызовы и угрозы экономической безопасности» обязательно учитывались «при разработке документов стратегического планирования в сфере социально-экономического развития Российской Федерации» (п. 13).

Дальше, к сожалению, вообще идет эквилибристика пустословия, когда основное направление «государственной политики в сфере обеспечения экономической безопасности» расшифровывается как «развитие системы стратегического планирования в сфере экономики» (п. 15), а основная задача — как «совершенствование системы стратегического планирования» (п. 16).

При сопоставлении с реалиями выходит, что основное направление — это развитие несуществующего, а основная задача — совершенствование того же несуществующего.

Венчает все это финальное положение, что «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» реализуется в процессе осуществления комплекса мер, «разработанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации» (п. 33).

Поскольку стратегического планирования в России не существует даже в зачаточном виде, значит составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» предусмотрели осуществление ее неосуществления.

В пользу такого вывода указывают и целевые функции двух этапов реализации рассматриваемого документа: первый — до 2019 г., второй — до 2030 г. До 2019 г. намечено заниматься разработкой и реализацией мер «в целях обеспечения экономической безопасности»; а до 2030 г. — осуществлять «выполнение мер по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности» (п. 32).

Отсюда логически вытекает, что вызовы и угрозы экономической безопасности России будут сохраняться по меньшей мере до 2030 г. А среди них, между прочим, значится «исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития» (п. 12).

Стало быть, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» предполагает сохранение экспортно-сырьевой модели, которую разве лишь по недоразумению можно считать «моделью экономического развития», вплоть до 2030 г. Согласно позиции составителей документа, перейти к суверенной экономической системе, чтобы избавить Россию от функции сырьевого придатка иностранного капитала и преодолеть деиндустриализацию, ранее 2030 г. попросту невозможно.

«Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», следовательно, не есть стратегия устранения экспортно-сырьевой модели и введения модели новой, цифровой индустриализации нашей страны. Составителям мнится, что обеспечивать экономическую безопасность России можно на

основе экспортно-сырьевой модели, не смотря на ее «исчерпание».

§ 3. Экономическая безопасность — это безопасность экспортно-сырьевой модели?

Что с фикции начинается и на фикцию опирается, то фикцией и оканчивается. Экспортно-сырьевая модель — это форма существования компрадорской экономической системы, созданной под диктатом и в интересах иностранного капитала. Подобного рода экономическая система по определению является несuverенной и критически зависимой от внешних факторов, не контролируемых правительством России.

Поэтому сохранение экспортно-сырьевой модели тождественно сохранению экономической системы исторически низшего типа: заведомо несuverенной и колониально зависимой — в частности, зависимой от империализма доллара. В таких системных условиях экономическая безопасность России оказывается не выше экономической безопасности неокolonии, из которой глобальный империализм выкачивает природные, материальные и людские ресурсы с помощью олигархического капитала.

И, как ни парадоксально, «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» составлена так, будто вызовы и угрозы экономической безопасности представляют собой вызовы и угрозы именно для экспортно-сырьевой модели. Под защитой экономической безопасности понимается, если судить по перечню основных вызовов и угроз (п. 12), не что иное, как защита олигархической системы и экспортно-сырьевой модели.

Приведем в подтверждение несколько конкретных иллюстраций из упомянутого перечня.

На первое место в перечне основных вызовов и угроз нашей экономической безопасности (п. 12) поставлено, цитируем, «стремление развитых государств использовать свои преимущества в уровне развития экономики, высоких технологий (в том числе информационных) в качестве инструмента глобальной конкуренции».

Если вдуматься в представленную формулировку, то нельзя не заметить, что она переворачивает все с ног на голову, затеяя внутренние факторы внешними. На самом деле нашей экономической безопасности угрожают не преимущества индустриально развитых стран мира и не их обладание высокими технологиями. Проблема в том, что именно Россия потеряла былые преимущества промышленно развитой державы, впала в деиндустриализацию и перестала продуцировать технологии высшего научно-технического уровня.

Короче, не чужие высокие технологии угроза для нас, а отсутствие своих. Так обстоит дело в действительности. Но «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» подает картину иначе, прячет истинную причину экономической зависимости от промышленно развитых стран. Тем самым верный ориентир подменяется неверным.

Однако в указанной формулировке есть все же смысл. Высокие технологии, которые порождает новая, технотронная и цифровая индустриализация, развернутая ныне промышленно развитыми странами, несет угрозу для рентабельности экспортно-сырьевой модели. Неоиндустриализация ведет к становлению постнефтяной энергетики, которая, в свою очередь, вызывает революционные сдвиги в структуре электробаланса и влечет сокращение зарубежного спроса на российские углеводороды.

Начиная с 2011 г. возник феномен отрицательной эластичности спроса ЕС по цене нефтегазового импорта из России.

В результате появилась тенденция сокращения компраторской ренты. С течением времени данная тенденция станет только нарастать — и чем дальше, тем скорее. К тому же иностранный капитал, основательно укоренившийся на командных высотах нашей экономики, вполне предсказуемо стремится к понижению издержек, предназначенных для содержания олигархического посредничества в постсоветской России.

С позицией глобального империализма в отношении России все понятно. Но угрозу для компраторской ренты нельзя принимать за угрозу для экономической безопасности страны, потому как подлинной причиной зависимости от иностранного капитала выступает именно компраторская социально-экономическая система, или система компраторской власти и собственности.

Наконец, попросту абсурдом был бы отказ промышленно развитых стран от использования высоких технологий в глобальной конкуренции. Капиталистическая конкуренция, если не сводить ее понимание к примитивному обывательскому штампу, является такой схваткой за присвоение прибавочной стоимости между различными частными капиталами, в которой победу одерживает лишь капитал с наиболее высоким уровнем технического строения.

Закон капиталистического присвоения, выраженный законом цены производства, научная классика и называет объективным законом капиталистической конкуренции. Согласно данному закону, чем выше техническое строение капитала, тем выше его доля в суммарной прибавочной стоимости.

Исходя из отмеченных законов и закономерностей капитализма, рассматриваемая формулировка по меньшей мере странная по смыслу. Она подразумевает, что глобальной должна быть конкуренция на основе не высших, а низших технологий; что в глобальной конкуренции должны доминировать страны не высшего и неоиндустриального капитализма, а низшего и неокOLONиального.

Но так не бывает. Очевидно, составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» сформулировали свое пожелание с позиции олигархической системы, а не объективных экономических законов современного капитализма.

Из того же разряда и следующая формулировка «основной угрозы»: «изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие энергосберегающих технологий и снижение материалоемкости, развитие „зеленых технологий”».

Резонно задуматься: для кого может составлять какую-либо угрозу неоиндустриальный прогресс производительных сил, с широким освоением постнефтяных технологий, расширением удельного веса «зеленой» энергетики, снижением материалоемкости изделий? Неужели это угроза для тех стран, которые перешли на магистраль новой, наукоемкой индустриализации — технотронной и цифровой? Нет, новая индустриализация никак не может быть угрозой для тех стран мира, которые проводят ее. Угрозой она становится исключительно лишь для тех стран, которые не вышли на этап неоиндустриального развития.

Технотронная индустриализация суть угроза не для передовых стран: она составляет угрозу только для отсталых и зависимых стран.

Как видим, и вторая формулировка переворачивает все с ног на голову, перенося акцент с отсталости постсоветской России на силу и неоиндустриальный прогресс промышленно развитых держав планеты.

Можно ли согласиться со столь превратной логикой, заложенной составителями в «Стратегию экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.»? Нет, нельзя. Согласиться с ней, значит согласиться с подменной правильных ориентиров неправильными. Главной угрозой для экономической безопасности России является деиндустриализация, порожденная отсталой экономической системой, а стало быть — недопустимая отсталость от передовых, индустриально развитых стран мира.

Если точнее, то именно хроническая неспособность постсоветской России к новой, технотронной индустриализации есть центральный вызов и наиболее сильная угроза для экономической безопасности нашей страны. Пока в России господствует экономическая система исторически низшего типа, рассчитывать на неоиндустриальный прогресс не приходится — вот в чем все дело.

Составители, как можно видеть, и здесь выгораживают негодную систему власти и собственности, и здесь городят ее искусственную защиту, предавая забвению коренные национальные интересы России и настоятельную необходимость в новой, технотронной индустриализации.

К уже приведенным примыкает формулировка еще одной «основной угрозы» (п. 12): «подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния спекулятивного иностранного капитала), а также уязвимость информационной инфраструктуры финансово-банковской системы».

В данной формулировке опять-таки выпячивается негативное воздействие извне, тогда как истинная причина кроется во внутренней социально-экономической системе крайне отсталого типа. Иностран- ный спекулятивный капитал действовал и во времена СССР, но до «перестройки» не имел системной возможности наносить ущерб советской экономике и ее развитию, поскольку командные высоты народного хозяйства находились в суверенной собственности.

Так что дело не в зарубежном спекуля- тивном капитале. Причина заключается в заведомо зависимой экономической систе- ме, которая позволяет спекулятивному ка- питулу хозяйничать в нашей стране подоб- но завоевателю. Винить надо не столько иностранный капитал, который забрался на командные высоты нашей экономики, сколько несuverенную систему власти и собственности, которая позволила ино- странному капиталу захватить командные высоты отечественного хозяйства: соб- ственность, банки, землю, инфраструкту- ру, ключевые производства, торговые сети и т.д.

То же самое относится и к «уязвимо- сти информационной инфраструктуры». Эта уязвимость восходит своими корня- ми к жесткой зависимости от зарубеж- ных микропроцессоров, операционных систем и цифровых технологий, к отста- лости в области инноваций и разработок технотронного уровня, к дезорганизации фундаментальной и прикладной науки, к разрушению производства машинных средств производства, в общем — к мас- штабной деиндустриализации, вызван- ной внеэкономической приватизацией собственности и уничтожением планово- нормативного регулирования пропорций и темпов роста общественного воспроиз- водства.

Все названное стоит в прямой связи с порочными внутренними системными основами, с порочным системным устройством постсоветской России. По- зиция же составителей «Стратегии эко- номической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» иная: они обращают внимание на соринку в чу- жом глазу, не замечая бревна в своем соб- ственном — в виде грозных последствий всевластия отсталой и негодной эконо- мической системы.

В итоге, по логике составителей, полу- чается, что обеспечение безопасности экс- портно-сырьевой системы требует прекра- щения неоиндустриального прогресса в промышленно развитых странах. Идеал для составителей в том, чтобы не Россия поднималась по ступенькам технотронно- го прогресса вверх, а индустриально раз- виченные страны опускались вниз, на одну и ту же ступень отсталости с постсоветской Россией.

§ 4. Явления без сущности и следствия без причин?

В «Стратегии экономической безопас- ности Российской Федерации на период до 2030 г.» нашлось все же место для «ос- новных вызовов и угроз» внутренне- го происхождения. Но даже при беглом взгляде на них открывается довольно странный подход, а именно: идет пе- речисление сплошь явлений и след- ствий — без указания хотя бы единой причины.

Отмечается, например, «отсутствие рос- сийских нессырьевых компаний среди гло- бальных лидеров мировой экономики». Спрашивается: в чем причина такого «от- сутствия»? И что надо сделать, чтобы «от- сутствие» сменилось присутствием? Какие меры необходимо принять и осуществить? У составителей нет на сей счет, к сожален- ию, ни ответов, ни догадок.

Между тем, в «глобальных лидерах» ходят исключительно лишь представители «экономики ТНК», т.е. структуры с вертикально интегрированным организационным строением, выстроенные в форме мирохозяйственных цепочек производства продукции с высокой добавленной стоимостью. Глобальное лидерство принадлежит именно «экономике ТНК».

Лидируют в мировом хозяйстве как раз те страны, экономическая система которых приведена в строгое соответствие с законом вертикальной интеграции. С законом, согласно которому категорически запрещено извлекать прибыль из промежуточного производства, а значит — из добычи сырья и инфраструктурных монополий.

Только экономическая система, подчиненная названному закону, становится системой ТНК, системой «глобальных лидеров».

Напротив, экономическая система, противоречащая ему, остается дезинтегрированной и отсталой, а потому зависимой и неконкурентоспособной; говоря иначе — системой глобальных аутсайдеров. Такова олигархическая система постсоветской России: она противоречит закону вертикальной интеграции и является системой тотальной отсталости — организационной, структурной, научно-технической, инновационной, технологической, инфраструктурной, кадровой, социальной, экологической и т.д.

Отечественной экономической наукой давно установлена формула современного социально-экономического прогресса: *вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация*. Так вот с точки зрения данной формулы мы имеем полное бездействие. Правительство вообще не занимается вертикальной интеграцией, отказывается от создания полноценных вертикально интегрированных, многоот-

раслевых корпораций, специализированных на выпуске наукоемкой и конкурентоспособной продукции конечного спроса, включая экспортный. Мало того, под видом «реформ» правительство санкционировало разрушение вертикально-интегрированного строения стратегической инфраструктуры страны — электроэнергетики, железнодорожного транспорта, жилищно-коммунального хозяйства и т.д.

В рамках олигархической системы правительство удовлетворилось учреждением фиктивных госкорпораций, в которых нет ни вертикальной интеграции, ни межотраслевого взаимодействия, ни межотраслевых цепочек производства продукции с высокой добавленной стоимостью, зато устроено частнокапиталистическое присвоение доходов, схожее с офшорным.

На наш взгляд, научная формула современного социально-экономического развития и есть стратегическая формула реальной экономической безопасности России: *вертикальная интеграция плюс неоиндустриализация*. Чтобы обеспечить экономическую безопасность нашей страны, отечественную экономическую систему следует привести в полное соответствие с императивными требованиями закона вертикальной интеграции. Собственно, в этом и должны заключаться стратегические меры, направленные на возрождение экономического суверенитета и экономической независимости России.

Все остальные из «основных вызовов и угроз» внутреннего характера, перечисленные в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», входят в состав явлений и следствий, обусловленных именно противоречием между олигархической экономической системой и законом вертикальной интеграции.

Весь перечень прямых результатов господства олигархической системы укладывается в один феномен *деиндустриализации*:

- «недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики, обусловленный неблагоприятным инвестиционным климатом, высокими издержками бизнеса, избыточными административными барьерами, неэффективной защитой права собственности»;
- «слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики), недостаточный уровень квалификации и ключевых компетенций отечественных специалистов»;
- «истощение ресурсной базы топливно-сырьевых отраслей по мере исчерпания действующих месторождений»;
- «ограниченность масштабов российского несырьевого экспорта, связанная с его низкой конкурентоспособностью, недостаточно развитой рыночной инфраструктурой и слабой вовлеченностью в мировые „цепочки“ создания добавленной стоимости»;
- «низкие темпы экономического роста, обусловленные внутренними причинами, в том числе ограниченностью доступа к долгосрочным финансовым ресурсам, недостаточным развитием транспортной и энергетической инфраструктуры»;
- «несбалансированность национальной бюджетной системы»;
- «недостаточно эффективное государственное управление»;
- «высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере»;
- «сохранение значительной доли теневой экономики»;
- «усиление дифференциации населения по уровню доходов»;

- «снижение качества и доступности образования, медицинской помощи и, как следствие, снижение качества человеческого потенциала»;

- «недостаточность трудовых ресурсов»;
- «неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития».

Что ни позиция в этом перечне (п. 12), то самое непосредственное следствие олигархической системы. Но составители демонстрируют нежелание идти от следствий к причинам.

При этом допускаются еще совершенно ложные утверждения, которые никак нельзя оставить без критического обсуждения.

Возьмем тезис насчет «слабой вовлеченности в мировые „цепочки“ создания добавленной стоимости». Он не просто сомнительный, но абсолютно неверный. Причем неверный как с фактической стороны, так и с теоретической.

Во-первых, отечественное промежуточное производство сверхмерно вовлечено в «мировые» цепочки добавленной стоимости. Вопрос лишь, в каком качестве. В цепочки транснациональных корпораций оно вовлечено в качестве промежуточных, ресурсно-сырьевых звеньев.

Результатом такой вовлеченности стало подчинение отечественного хозяйства системе долларовой толлинга, при которой империализму доллара принадлежит вся стоимость продукции, вследствие чего внутри страны остается преимущественно лишь заработная плата. По этой причине, кстати, разразился текущий инвестиционный кризис, а не из-за какого-то эфемерного «инвестиционного климата», на который неизменно ссылаются финансовые спекулянты, дабы оправдывать вывод за рубеж денежного капитала.

В общем, вовлеченность в «мировые» цепочки вовсе не слабая. Не видеть этого, не понимать, что именно система долларového толлинга, устроенная благодаря господству олигархической власти и собственности, «вымывает» капитальные вложения и воспроизводит автономную рецессию, значит идти на поводу ложных оценок и полагаться на ложные ориентиры.

Во-вторых, в корне ошибочен расчет на встраивание в чужие цепочки создания добавленной стоимости. Разделять подобную иллюзию может лишь тот, кто не понимает вертикально интегрированного устройства ТНК и их внутрикорпоративного механизма.

Ограничимся указанием на известный факт отделения центра прибыли и центра НИР от центра издержек и затрат. Кто встраивается в чужую цепочку добавленной стоимости, тот автоматически переводится в центр издержек и затрат, подвергаясь отчуждению от центра прибыли, НИР и НИОКР, инвестиций, инноваций, высоких технологий. Подобного рода встраивание равносильно встраиванию нищего в чужой монастырь.

Скажем прямо: позиция «встраивания» в цепочки чужих ТНК, проповедуемая компрадорскими ретролибералами и неизвестно отчего разделяемая составителями «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.», прямо противоречит стратегическим и геополитическим интересам России.

Национальным интересам России отвечает другая позиция – позиция формирования своих корпораций транснационального масштаба, своих многоотраслевых цепочек производства наукоемкой и конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Именно отсутствие своей «экономики ТНК» подвергает нашу страну опасностям, сопряженным с фронтальной отсталостью по всем ключевым направлениям научно-технического и социально-экономического прогресса.

Той же самой причиной объясняются «слабая инновационная активность, отставание в области разработки и внедрения новых и перспективных технологий (в том числе технологий цифровой экономики)». Олигархическая экономическая система отличается полной дезинтеграцией, а потому относится к классу дезинтегрированных.

Между тем, научно-технический прогресс в эпоху новой, технотронной индустриализации находит свою движущую силу только в вертикально интегрированных корпорациях, соединяющих добычу и переработку сырья, науку и производство, производство и сбыт, звенья группы «А» и группы «Б». Где нет вертикально интегрированных корпораций и экономики ТНК, там нет и не может быть ни научно-технического прогресса, ни инноваций, ни высоких технологий, ни высшего технического строения промышленного капитала.

От экономической системы, не приведенной в соответствие с законом вертикальной интеграции, бесполезно требовать инновационной активности, разработки и внедрения эффективных технологий. В дезинтегрированной системе в принципе не бывает движущей силы ни научно-технического, ни социально-экономического прогресса. Такая экономическая система не содержит стимулов к расширенному воспроизводству, повышению технического строения промышленного капитала, снижению народнохозяйственных издержек, насыщению внутреннего рынка, улучшению качества продукции.

Короче, экономическая система, одноплатформенная с олигархической, совершенно лишена стимулов к какому бы то ни было прогрессу — хоть научному, хоть технологическому, хоть экологическому, хоть социальному.

Между прочим, в «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» трижды мелькает упоминание «цифровой экономики» (п.п. 16–18). Оно сделано в порядке поспешной и формальной вставки, в расчете на использование термина, которому предназначено войти в политическую риторику Кремля. В промышленно развитых странах сей термин стал уже отработанным и вышел из моды, теперь там в ходу «четвертая промышленная революция», поскольку появилось понимание того, что «цифровой экономике» не бывать, во-первых, без промышленного производства, и во-вторых, без цифровой индустрии. В Германии вообще фиксируется необходимость соединения реальной экономики с «цифровой»¹.

Наиболее корректное понимание реальной взаимосвязи индустрии и «цифровых» технологий проводит неоиндустриальная парадигма, выработанная отечественной экономической наукой. В рамках данной парадигмы «цифровая экономика» предстает результатом новой, цифровой и технотронной индустриализации. Без цифровой индустриализации производительных сил «цифровая экономика» обречена быть лишь иллюзией. Осмысление этого факта, как представляется, и ведет индустриально развитые страны к смене ориентиров, к повороту на курс очередной промышленной революции.

Наконец, нельзя не отметить абсурдности причисления к «основным вызовам и угрозам» следующих факторов: «установ-

ление избыточных требований в области экологической безопасности, рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления».

Составители «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» в данном пункте вновь-таки не в ладах с реалиями. О каких и чьих собственно «избыточных требованиях в области экологической безопасности» допустимо вести речь, когда по всей стране сложилась катастрофическая экологическая ситуация, а смертность по причине ненормальной экологической обстановки ставит рекорд за рекордом, особенно в мегаполисах и городах с миллионным населением? Что толку в требованиях, которые не исполняются? И как преодоление экологического бедствия можно отождествлять с угрозой экономической безопасности, если, напротив, обеспечение экологической чистоты рабочих мест, технологий и производств образует одно из важнейших условий экономической безопасности?

К тому же, что главное, экологическая безопасность обеспечивается не административными требованиями, а рециклингом ресурсов, индустриальной системой сбора и переработки бытовых и промышленных отходов, организацией замкнутого ресурсного кругооборота. Создание сектора рециклинга ресурсов возможно только на основе высоких технологий. В частности, чтобы автоматизировать индустриальную сортировку отходов, нужны технологии с использованием специализированных роботов и устройств искусственного интеллекта. Поэтому наращивание экологической безопасности не противоречит, а, наоборот, идет рука об руку с обеспечением экономической безопасности страны.

Не станем множить примеры слабо продуманных и неудачных формулировок. На

¹ The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business. — Paris: OECD. 2017. P. 28.

наш взгляд, недействительная «Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.» олицетворяет собой максимум того, на что способна компрадорская система власти и собственности.

Для нашей страны, конечно, жизненно важны и экономический суверенитет, и

экономическая безопасность. Но они реально достижимы лишь при замене зависимой экономической системы суверенной, вертикально интегрированной, планово-регулируемой, и всенародном осуществлении масштабной новой индустриализации – наукоемкой, цифровой, технотронной.

Сведения об авторе

Сергей Семёнович Губанов – профессор, доктор экономических наук, главный редактор, журнал «Экономист», профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ленинские Горы, 1)

Gubanov S.S.

About the System Fundamentals of Russia's Economic Security

Information about the Author

Sergei Semenovich Gubanov – Doctor of Economics, Professor, Chief Editor of the journal “Economist”, Lomonosov Moscow State University (1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

Статья поступила 20.07.2017.